

In conclusion it should be mentioned that Ilse Lehiste is one of the outstanding visiting professors of our time whose lecture tours have taken her to universities in the majority of European countries, the most important scientific centres of North America, and even to Japan and China. She presented a paper at the Congress of Finno-Ugrists in Tallinn in 1970, and has since then several times visited the Department of Computational Linguistics of Insti-

tute of Language and Literature of Academy of Sciences of the Estonian S.S.R.

Ilse Lehiste has already had many successful and grateful pupils. Even greater is the number of colleagues all over the world who offer their congratulations to Ilse Lehiste on the occasion of her birthday, wish her continuing success in her activities, and look forward to fruitful collaboration with her in the years ahead.

MATI HINT (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1982.1.10>

М. И. Зайцева, Суффиксальное глагольное словообразование в вепском языке, Ленинград, «Наука», 1978. 176 с.

Словообразование по традиции не относится к центральным темам в финно-угроведении даже несмотря на обилие деривационных суффиксов как в прибалтийско-финских, так и во всех финно-угорских языках. Некоторые отдельные суффиксы исследованы в различных работах, но обширные систематические труды по словообразованию составлялись редко. Этот пробел в изучении деривации особенно ошутим в отношении т. н. малых, бесписьменных языков. Заполнением такого пробела и призвана стать рецензируемая книга петрозаводского исследователя М. И. Зайцевой. Опубликованная работа основывается на кандидатской диссертации автора, защищенной уже в 1965 г. в Тартуском государственном университете. Это первое, и пока единственное в своем роде, монографическое исследование по глагольному словообразованию одного из прибалтийско-финских языков; оно представляет собой, таким образом, основополагающий труд.

Книга содержит введение, две главы и заключение.

Во введении автор рассматривает сущность деривации или, с позиции вепского языка, суффиксального словообразования преимущественно в свете советской лингвистики. Представляется обособленной мысль, выраженная во введении, о словообразовании как о некоторой промежуточной области лингвистики, имею-

щей тесные связи с грамматикой (морфологией), с одной стороны, и с лексикологией, с другой, но которая в своих единицах и характерных связях с другими подсистемами все-таки автономна.

Во введении обсуждаются синхронические и диахронические аспекты словообразования и подчеркивается в этой связи значение истории языка. Автор сомневается, возможно ли вообще исследование словообразования без учета фактов истории языка. Характерное для одного языка словообразование определяется не только наличием различных тенденций образования неологизмов в данный отрезок времени, но и унаследованной из прошлого лексики. На этом основании в словообразовании труднее провести четкую грань между диахроническим и синхроническим аспектами, чем в других областях лингвистики.

В первой части первой главы автор рассматривает семантические и формальные отношения производного и производящего слова. Тут же даются объяснения ряду понятий, таких как словообразовательный тип, словообразовательная модель, словообразовательный суффикс и его вариант, а также алломорф суффикса.

Отмечаются трудности, возникающие при определении связей между производным и производящим словами, нередко эти связи весьма сложны, один и тот же

производный может быть мотивирован несколькими словами. Первая часть первой главы в разделе определений представляется несколько поверхностной, толкования понятий здесь нуждаются в уточнениях. Ввиду того, что в разных научных традициях употребляются разные классификации, которые, особенно по словообразованию, не всегда достаточно четко разработаны даже внутри одной школы, на формулировке определений понятий было бы необходимо обратить больше внимания. Может быть, суть пространственных определений следовало бы пояснить на конкретных примерах из вепсского языка, которые в данном случае отсутствуют даже при самых важных положениях (см. с. 18—19). С другой стороны, необходимо отметить, конечно, что теория словообразования не является целью работы.

Во второй части первой главы автор распределяет вепсские словообразовательные суффиксы по основным семантическим группам. Итак, в вепсском языке глаголы делятся на каузативные, фактивные, инхоативные, фреквентативные, эссивные, континуативные, возвратно-транслативные и моментативные, к тому же группа куративных глаголов дается в качестве подгруппы каузативов. В третьей части рассматриваются соотношения грамматических и лексических значений в отдельных словообразовательных суффиксах. Среди других описывается интересный вепсский суффикс *-škandē-*, с помощью которого можно, кроме инхоативности, выразить и будущее время. В этой связи напрашивается замечание о том, что и в системе русского глагола наблюдаются соответствующие черты. В функциях прошедшего времени сослагательного наклонения и т. н. попинкватива можно употреблять формы имперфекта с суффиксом *-škeñž-*, которые относились к парадигме фреквентативных глаголов с суффиксом *-skende-*. Однако М. И. Зайцева считает суффикс *-škeñž-* самостоятельным, полагаясь на данные современного вепсского языка. Самостоятельность этого суффикса все же несколько сомнительна, поскольку в вепсском языке зарегистрировано немало и таких форм имперфекта фреквентативных глаголов, которые не имеют значения сослагательности или попинкватива, напр. средневепс.

torp om tšoma kala, rusked, sališkeñž onghe tatam, jogikala 'форель хорошая рыба, красная, попадалась на удочку моему отцу, речная рыба' (Kettunen 1943 : 464; см. также Tunkelo 1946 : 258—259). Способность фреквентативных глаголов принимать конъюнктивное значение весьма обычна, это можно проследить в истории признаков наклонений прибалтийско-финских, саамского и некоторых других финно-угорских языков. Как указывает и автор книги, точной параллелью вепсским формам на *-škeñž-* являются в ливвиковских говорах формы имперфекта фреквентативных глаголов на *-ksendele-* (~ *kšendele-*).

Наиболее ценным разделом книги, несомненно, является четвертая часть первой главы, в которой приводятся вепсские глагольные суффиксы и прослеживается употребление и происхождение каждого из них. Суффиксов всего 29. Вопреки традиции автор рассматривает отыменные и отглагольные суффиксы вместе, поскольку с одними и теми же суффиксами могут быть образованы производные как от существительных, так и от глаголов. Суффиксы, которые могут быть как отыменными, так и отглагольными, составляют примерно половину вепсских суффиксов, как явствует из работы.

В каждом разделе, посвященном отдельному суффиксу, имеются следующие подразделы: (очередность не обязательна) (1) фонетический облик вариантов и алломорфов суффикса, (2) главные значения суффикса, (3) типы мотивирующих слов и коррелятов, являющихся основами производных, (4) распространение («продуктивность») суффикса в вепсской лексике, в случае необходимости принимаются во внимание и данные различных говоров, (5) соответствия вепсского суффикса в родственных языках и (6) происхождение суффикса (если оно ясно).

Приводимый материал собран автором в ходе диалектологических экспедиций в различные населенные вепсами районы. Использование нового материала еще более углубляет впечатление читателя об авторе как исключительном знатке вепсского языка. С позиции сравнительного исследования словообразования, однако, было бы желательно привести по

каждому словообразовательному типу больше примеров, хотя и не имеется в виду исчерпывающий подбор материала. Обилие примеров повысило бы ценность книги как сборника систематизированного материала, каковой она, вероятно, и будет использоваться. Не бесполезно было бы привести иллюстративный материал и из печатных источников.

Первую главу завершает обзор морфонологических явлений на стыке основы и суффикса. Вторая глава рассматривает происхождение начальных гласных суффиксов и таким образом относится к истории языка.

Ниже будут рассматриваться некоторые частные вопросы, касающиеся позиции и развития суффиксов.

1. Автор полагает, что по своему основному значению каузативно-фактитивный суффикс *-ta-* выступает даже в таких глаголах, как *pästtā* : основа *pāsta-* 'отпустить' (ср. *pāzda* : *pāzē-* 'опуститься'), *noustta* : *nousta-* 'разбудить' (ср. *nousta* : *nouzē-* 'пробуждаться, вставать (со сна)'), *ladvestada* 'чесать лен в первый раз' (ср. *ladves* 'вычески'), *ägestada* 'боронить' (ср. *ägez* 'борона'), *vandēhtada* 'натягивать обруч' (ср. *vandeh* 'обруч') и т. д. (с. 40—43). Однако тут иные обстоятельства; в этих глаголах представлен алломорф *-ta-* суффикса *-da-* ввиду наличия на конце основ этих глаголов сибиланта или *-h-*. Нельзя согласиться с автором в том, что суффикс в этих глаголах происходит от суффикса **-tta-*, **-ttā-* (с. 45) позднего праприбалтийско-финского языка; весьма определенно это суффикс **-ta-*, **-tā-* позднего праприбалтийско-финского языка, из которого в вепском языке в звонком окружении образовался суффикс *-da-*.

2. Интересна проблема происхождения моментативного суффикса *-alda-*, который рассматривается автором на с. 85—86 и (в связи с начальными гласными) на с. 144—146. Суффикс выступает только в вепском, карельском и финском языках. По традиции этот суффикс рассматривается как результат соединения двух древних моментативных суффиксов **-l-* и **-tt-*; соответствия этого суффикса находили в дальнеродственных языках вплоть до венгерского, относя таким образом возникновение этого суффикса к глубокой древно-

сти. Прибалтийско-финский суффикс **-lt-* (вместо **-litt-*) объясняется как образовавшийся в результате группового сдвига (Накулінен 1979 : 258, сноска 372). Однако ввиду того, что в саамском языке, столь важном для реконструкций форм праприбалтийско-финского языка, отсутствуют соответствия моментативных глаголов с суффиксом *-lt-*, стоит обратить внимание и на другую возможность — на то, что суффикс образовался в праприбалтийско-финском языке после распада прибалтийско-финско-саамской общности. В таком случае в качестве элементов суффикса могут быть рассмотрены моментативный суффикс **-la-*, **-lā-* периода раннего праприбалтийско-финского языка, соответствие которому наблюдается, например, в таких саамских глаголах, как *ād'delit* 'give hastily (also fig., concerning argument, fight, or punishment)' (ср. *ād'det*, *-dd-* между прочим 'give, present; let, allow') и *bossolit* 'subit. of *bossot*, esp. used of blowing out, putting out, a candle or lamp' (Nielsen 1932), и каузативный суффикс **-ta-*, **-tā-*.¹

Наличие каузативного суффикса в составе суффикса со значением действия не является неожиданностью. Не представляется вполне убедительным и утверждение автора (с. 145—148), что начальный гласный восходит к периоду прибалтийско-финско-волжской общности. 3. Среди вепских глаголов с суффиксом *-aida-* автор различает две словообразовательные группы. К типу *-aida*^I относятся такие глаголы с континуативным и экспрессивным значением, как *buraita* : *buraita-* 'ворчать, бурчать'; *buzaita* : *buzaita-* 'жужжать', и к типу *-aida*^{II}, среди других, и такие моментативные глаголы, как *lūkāitā* : *lūkāida-* 'бросить, выбросить', *kokaita* : *kokaita-* 'клонуть, ужалить'. Второй тип не однороден по своему составу; сюда должны относиться и такие глаголы (в книге они не приводятся), как *varaita* : *varaita-* 'бояться' и *argaita* : *argaita-* 'совершать обряд обмывания коро-вы после отела', которые не являются моментативными, но к группе *-aida*^I их нельзя причислить.

Наблюдаются некоторые противоречия

¹ Рецензент благодарен профессору Терхо Итконену за эту мысль.

в объяснении автором книги их происхождения. М. И. Зайцева указывает на мнение Д. В. Бурбиха о том, что суффикс позднего праприбалтийско-финского языка **-aida-*, **-äidä-*, из которого на вепсской почве образовался суффикс *-aida-*, происходит от суффикса *-aise-*, *-äise-*², ср. фин. *katkaista* : *katkaise-* 'сломать, отломить' и *potkaista* : *potkaise-* 'пнуть, лягнуть', но это не мешает ей связывать вепсский суффикс с мордовским моментативным суффиксом **-ad(ə)-* (с. 142—143; ср. Hallar 1956 : 92 и сл.). Эти два объяснения не совместимы, они взаимно исключают друг друга. Необходимо заметить, что мордовский суффикс **-ad(ə)-* не может быть соответствием прибалтийско-финского **-aida-* в виду наличия в последнем дифтонга. Автор рецензии пытался обосновать утверждение Д. В. Бурбиха (Lehtinen 1979 : 311—312). На состоятельность мнения Д. В. Бурбиха указывает и тот факт, что из глаголов на *-aise-* могли в вепском и карельском языках образоваться многие глаголы на **-aida-* еще и после распада т. н. позднего праприбалтийско-финского языка: именно эта поздняя волна *-aise-* > **-aida-*, видимо, привела к возникновению многочисленных параллелей: фин. *-aise-* ~ вепс., кар. **-aida-*, на которые в исследованиях о глаголах время от времени указывается (см. Там же, с. 285—292). Более древние глаголы на **-aida-*, очевидно, образовались еще в праприбалтийско-финском языке, но вряд ли им предшествовавшие глаголы на *-aise-* старше праприбалтийско-финского языка, они в свою очередь могли возникнуть как производные на *-ise-* (< **-ijt'se-*) от двусложных существительных на *-a-*, *-ä-* (см. Там же, с. 321—322).

Для ясности полезно отметить, что к глаголам на *-aise-*, *-äise-* восходят, вероятно, и континуативно-экспрессивные глаголы (т. е. вепские глаголы на *-aida-*¹) на **-aida-*, **-äidä-*, хотя в современных прибалтийско-финских языках мы не можем больше обнаружить такие глаголы, как **heläise-*, **kolaise-*, **vapaise-*, **väräise-* и т. д. Последние слились с глаголами на

² По мнению М. Рапола, глаголы на *-aise-* и **-aida-* существовали одновременно и независимо друг от друга, и были в ранний период развития семантически различны (Rapola 1922 : 90).

**-aida-*; и они могут быть по своему происхождению производными от существительных на *-a* и *-ä* (ср. Mägiste 1950 : 210—215). Следовательно, нет необходимости и даже возможности воспроизводить вепсский суффикс *-aida-* (и начальный гласный) из праприбалтийско-финско-волжского языка, как это делает автор книги.

4. Суффикс *-ižē-*, с помощью которого образуются по значению и по фонотактике близкие к глаголам на *-aida-*¹ экспрессивно-континуативные глаголы (*uništa* : *unižē-* 'выть', *jurišta* : *jurižē-* 'греметь' и т. д. ср. с. 75—76), несомненно родственен с вышеупомянутым суффиксом *-aise-*, *-äise-*. Весьма вероятно, что, как автор указывает, вепсский суффикс *-ižē-* (< приб.-ф. *-ise-*) представляет более ранний элемент **-ijt's(e)* (или **-ñt's(e)*, с. 156). Представляется сомнительным, хотя впрочем и возможным, то что вепсский суффикс *-ižē-* и его предшественник из праприбалтийско-финского языка *-ise-*, восходит к форме *-itse-* (вернее **-ittse-*, ср. вепс. *-iče-*). Однако вполне допустимо, по моему, и то, что суффиксы праприбалтийско-финского языка **-ittse-* и *-ise-* представляют два пути развития суффикса **-ijt'se-* прибалтийско-финско-саамского праязыка; в начале развития эти две линии еще четко не различались, как указывают соотношения следующих пар глаголов, напр. фин. *napise-* ~ Agg. *napitze-*, 'ворчать, роптать, вздорить', *vapise-* ~ Agg. *wapitze-* 'дрожать, трястись'; эст. *kärisema* ~ (Wied.) *käritsema* 'шуметь'; *värisema* ~ (Wied.) *väritsema* 'дрожать, трястись' и т. д. Проблема заслуживает обстоятельного изучения. См. Lehtinen 1979 : 314—317.

Кажется маловероятным утверждение о том, что начальный гласный вепсских суффиксов *-ižē-* и *-iče-* представляет континуативный суффикс *-i-* (с. 70). Начальный *-i-* этих суффиксов может быть объяснен просто вокализацией **-ij-* в прибалтийско-финских языках. Другое дело, что суффикс **-ittse-* во многих прибалтийско-финских языках присоединяется к глаголам с основой на *-i-*, напр. фин. *kaavita* : *kaavitse-*, вепс. *kabiče-* 'скоблить', ср. фин. *kaapi-* то же; фин. *isännöitse-*, вепс. *ižandoiče-* 'хозяйничать, вести хозяйство', ср. фин. *isännöi-* то же. К каким глаголам присое-

двинулся суффикс *-ise-* (> вепс. *-ižē-*) в период прибалтийско-финского праязыка, пока остается загадкой. Возможно, как полагает В. Халлап, что за гласным *-i-* глаголов с суффиксом *-ise-* кроется и древний гласный основы *e* (Hallap 1955 : 177—178).

5. Лишь мимоходом затрагивает автор вепсский фреквентативный суффикс *-ižē-*. Суффикс интересен тем, что он выступает только в одном глаголе — *kandišta : kandišē-* 'носить' (ср. *kantta : kanda-* 'нести'). Этот глагол встречается в северновепском и южновепском наречиях, а в одном средневепском говоре он имеет соответствие *kandita : kandiče-* и поэтому автор рассматривает суффикс *-ižē-* как вариант суффикса *-iče-* (с. 72). Здесь, наверно, дело обстоит иначе, суффикс *-ižē-* возводится к более древней форме **ikse-*, которая как соответствие вепс. *kandišta* встречается в ливиковских говорах и в говоре Калининской области (Säämäjärv *elotoi kañniksoo kyläh* 'хлеб носит (тайком) в деревню', инфинитив I *kañništä* — Karjalan Kielen Sanakirja 1974). В ливиковском и в южнокарельском диалектах этот глагол приходится рассматривать как одно из многих явлений вепсского субстрата этих диалектов. Рассматриваемый глагол имеет довольно точное фонетическое и семантическое соответствие в ливском языке — *kāndikšš* 'tragen, herumtragen', как это уже отметил Л. Пости (Posti 1942 : 235 и сл.). Лив. *-š-* может указывать на то, что первоначальная форма суффикса в ливском языке была **iksi-* (Posti 1942 : 235—236). Последний *-i-*, вероятно, древний суффикс фреквентативного значения, каковым является, по-видимому, и начальный *-i-*. Соответствие вепс. *kandišē-* обнаруживается даже в финских говорах, — в юго-восточных хямеских, например, Иитти *kannikset kaik vehkeht pihalle* 'носишь (натащишь) все добро на двор', но глагол здесь не представляется древним, видимо, это новое производное от глагола *kanniksella*, представляющего собой контаминацию западнофин. *kanniskella* 'носить' и восточнофин. *kanneksia* то же. Соответственные контаминации на *-iksele-* в этих и некоторых других говорах встречаются часто. Глаголы с *-ikse-*, наоборот, встречаются редко.

6. Автор рецензируемой работы касалась проблемы морфологического слово-

образования, рассматривая элементы *-ga-*, *-gu-*, *-ka-*, *-ku-* и *-ska-*, *-sku-*, которые выступают, напр., в экспрессивных глаголах *houkta* 3 л. наст. вр. *hougab ~ hougub* 'мяукать', *voikta : voikab* 'плакать', *haukta : haukub* 'лаять', *furskta : furskab* 'пофыркивать', *korskta : korskab ~ korskub* 'всхрапывать' и т. д. (с. 99—103). Эти элементы воспринимались в качестве суффиксов уже ранее Х. Рятсепом (Rätsep 1956 : 86), В. Халлапом (Hallap 1958 : 176—183), Б. Серебrenниковым (1967 : 226) и А. Лаанестом (Laanest 1975 : 185). Автор книги объясняет значение этих элементов: «длительное время издавать звук, выраженный мотивирующим словом» (*-ga-*, *-gu-*, *-ka-*, *-ku-*) и «прерывисто (повторно) издавать звук, выраженный мотивирующей основой звукоподражательно-описательных слов» (*-ska-*, *-sku-*, с. 99—102). С моей точки зрения, более естественное объяснение таким случаям дает фонотактика. Правильно то, что, например, в глагольных парах *furaita* 'фыркать' ~ *furskta* 'пофыркивать', *koraita*, *korišta* 'храпеть' ~ *korskta* 'всхрапывать' и т. д. выражение действия зависит от того, стоит ли на стыке первого и второго слогов элемент *-sk-* или нет, но итеративное значение глаголов на *-ska-* и *-sku-* скорее зависит от того, имеется ли на стыке слогов вообще скопление смычных. Об этом свидетельствуют исследования В. Вярв, посвященные экспрессивным глаголам эстонского языка, близкородственного вепсскому (Värv 1966 : 39). В эстонском языке соответствия согласных позднего праприбалтийско-финского языка *-kk-* и *-pp-*, по-видимому, выступают именно в глаголах, имеющих значение неоднократного или длительно повторяющегося звука (Там же, с. 39—40). По-видимому, в вепсском языке существуют аналогичные факты, например, глаголы *hauku-* 'лаять' и *rauku-* 'хлопать, трещать' (в праприбалтийско-финском языке **haukku-*, **paukku-*) означают скорее повторяющийся, чем непрерывный звук. Таковы же обстоятельства в финском языке. 7. В заключение следует отметить некоторые неточности, касающиеся синхронного анализа производных. В книге их не так уж много и они не снижают ценности работы.

На с. 42 упоминается глагол *nimitada* 'обзывать' как производное от существи-

тельного *nimi* 'имя, название' с суффиксом *-ta*. Мотивирующее слово все же имеет основу на *-e* (*nimi* : ген. *nimen*, ср. Зайцева, Муллонен 1972), следовательно, суффикс должен быть *-ita* вместо *-ta*. В глаголах *vägiduda* (с. 115) и *vägizuda* (с. 122) 'становиться сильнее' суффиксами также являются *-idu-*, *-izu-* вместо *-du-* и *-zu-*, поскольку мотивирующее слово *vägi* 'сила' имеет основу на *-e*. Глагол *tuhmeiče* 'вьюжить, мести' следует воспроизводить не от слова *tuho* 'вьюга, метель' (с. 74), а от его синонима *tuhm* : ген. *tuhmun*. По фонетическим причинам невозможно воспроизвести глагол *märehtuda* 'гнить (о дереве)' от прилагательного *märg* 'мокрый, сырой' (с. 119), *-g-* должно было бы в таком случае в глаголе еохраниться. Инфинитив *viškita* 'выливать, проливать, высыпать', видимо, неправильно определен в группу производных на *-i/-oi-* (с. 69); глагол относится к производным на *-iče-* (*viškiče-*), т. е. должен быть рассмотрен в следующем разделе (с. 71 и сл.). Глагол *abidoiče* 'обижать' — регулярное производное от прилагательного, русского заимствования *abid* : *abidon*, как автор это и утверждает на с. 72, но отношение глагола *abidoiče* к глаголу *abit'ta* : *abidi-* 'обижать' не закономерно, поскольку от глаголов с основой на *-i* производные с суффиксом *-oiče-* не образуются. Одна промежуточная словообра-

звательная ступень пропущена при рассмотрении глагола *noidiita* : *noidiiche-* 'колдовать, заговаривать' (< *noidiiche-*), где глагол рассматривается как производный от существительного *noid* : ген. *noidan* 'колдун, колдунья' (с. 73), мотивирующим словом здесь все же, очевидно, был глагол *noiduida* : *noidui-*, который в свою очередь ← *noid* : *noidan* (ср. с. 127).

Выше дан обзор тех некоторых частных проблем по глагольному словообразованию вепского языка, по поводу которых можно быть с автором книги разного мнения. Отдельные замечания никак не умаляют положительного впечатления от книги. Есть все основания еще раз подчеркнуть, что работа М. И. Зайцевой «Суффиксальное глагольное словообразование в вепском языке» является первым монографическим исследованием о глагольном словообразовании вепского языка и вообще прибалтийско-финских языков. В ней дано все самое существенное, что известно по словообразованию вепского глагола. Приведенный материал, его систематизация, многосторонние сравнения с родственными языками, обильное использование литературы и многие заслуживающие внимания положения, касающиеся происхождения суффиксов, составляют в целом полезный справочник, нужный для исследователей не только вепского, но и других прибалтийско-финских языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Зайцева М. И., Муллонен М. И. 1972, Словарь вепского языка, Ленинград.
- Серебрянников Б. А. 1967, Историческая морфология мордовских языков, Москва.
- Халлап В. 1958, Материалы по истории глаголообразовательных суффиксов в мордовских языках. — ККИУ II, 175—256.
- Накуленин, L. 1979, Suomen kielen rakenne ja kehitys. Neljäs, korjattu ja lisätty painos, Keuruu.
- Hallap, V. 1955, Mordva keele verbaal-tuletussufiksitate vasteid lähemates sugulaskeeltes. — ESA, 171—181.
- 1956, Mordva keelte deskriptiivseid verbe tuletavate sufiksite vasteid läänemere keeltes. — ESA 2, 92—105.
- Karjalan kielen sanakirja. Toinen osa, K. Helsinki [1974] (LSFU XVI₂).
- Kettunen, L. 1943, Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus, Helsinki (MSFOu LXXXVI).
- Laanest, A. 1975, Sissejuhatus läänemeresoome keeltesse, Tallinn.
- Lehtinen, T. 1979, Itämerensuomen verbien historiallista johto-oppia: suomen *avajaa*, *karkajaa*-tyyppiset verbit ja niiden vastineet lähisukukielissä, Helsinki (MSFOu 169).
- Mägisté, J. 1950, Fi-estn. *nuha*, *noha*, *nohu*, *nuhu*, *nohi* 'Schnupfen' und estn. *päri* 'Schaibock' und die ostseefi. onomatopoetischen Nomina auf *-ä*, *-a* und (estn.) *-i*. — Commentationes fennougricae in honorem Y. H. Toivonen, Helsinki 1950 (MSFOu XCVIII), 207—218.
- Nielsen, K. 1932, Lappisk ordbok grunnet på dialektene i Polmak, Karasjok og Kautokeino, Oslo (Instituttet for sammenlignende kulturforskning. Serie B: Skrifter XVII₁).

- Posti, L. 1942, Grundzüge der livischen Lautgeschichte, Helsinki (MSFOU LXXXV).
- Rapola, M. 1922, Suomenkielen *aise-, äise-*loppuisten verbien alkuperä. — Vir., 85—90.
- Rätsep, H. 1956, *i*-sufiksilistest verbidest eesti keeles. — ESA 2, 74—91.

- Tunkelo, E. A. 1946, Vepsän kielen äännehistoria, Helsinki (SKST 228).
- Värv, V. 1966, Sõnasisesed konsonandid eesti onomatopoeetilistes verbides. — ESA 12, 35—41.

ТАПАНИ ЛЕХТИНЕН (Хельсинки)

Н. Г. Зайцева, **Именное словоизменение в вепском языке (История и функционирование форм слова)**, Петро-заводск, «Карелия», 1981. 218 S.

Von der im Institut für Sprache, Literatur und Geschichte der Karelischen Filiale der Akademie der Wissenschaften der UdSSR ernsthaft betriebenen Forschungsarbeit zum Wepsischen zeugen solche umfangreiche Arbeiten wie die von M. Zajceva und M. Mullonen «Словарь вепского языка» (1972, 748 S.) sowie «Образцы вепской речи» (1969, 269 S.) und von M. Zajceva «Суффиксальное глагольное словообразование в вепском языке» (1978, 176 S.). Den eben genannten folgt nun von N. Zajceva «Именное словоизменение в вепском языке (История и функционирование форм слова)» (1981, 218 S.; unter der Redaktion von G. Kert). Erwähnenswert ist auch die unlängst im Institut für Sprache und Literatur der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR abgeschlossene Forschungsarbeit von A. Kährik «Verbide muutmismudel lõunavepsa murdes» (1980, 152 S.). Zählt man hierzu auch noch die von A. Turunen (Helsinki) verfaßten Artikei über einige Derivationsuffixe und die Kurzabhandlungen zu den wepsischen Pluralformen des Unterzeichneten, dann ist auch schon fast alles genannt, was in den letzten Jahren zum Wepsischen erschienen ist.

Wenn man einige Gebiete der wepsischen Grammatik als detailliert ausgearbeitet ansehen darf (an dieser Stelle sind in erster Linie E. A. Tunkelos umfangreiches «Vepsän kielen äännehistoria» (1946, 922 S.) und L. Kettunens «Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus» (1943, 576 S.) zu nennen), dann gibt es in der Morphologie und Derivation noch recht viele unerforschte Gebiete.

In der zu betrachtenden Forschungsarbeit unterzieht N. Zajceva vier mit dem Nomen verbundene grammatische Kate-

gorien — Kasus, Numerus, Possessivsuffixe und Komparation — einer näheren Betrachtung. In der umfangreichen Einführung (65 S.) gibt die Autorin einen Überblick zur bisherigen Erforschung der wepsischen Nomen und erörtert theoretische Aspekte der vier genannten grammatischen Kategorien. Besondere Aufmerksamkeit gilt den spätentstandenen Kasus, bei denen N. Zajceva mit Recht nicht nur die Gebrauchsform der Postposition, sondern auch die vor dieser auftretende ursprüngliche Kasusendung als Kasusendung ansieht; z. B. die Kasusendung des Wortes *t'espei* 'über den Weg' ist *-spei*. Auf diese Weise kann man in jedem Kasus den einheitlichen Wortstamm *t'e-* herauslösen.

Zur Festlegung der spätentstandenen Kasus ist es notwendig, sowohl phonetische, morphologische als auch syntaktische Merkmale heranzuziehen. Als phonetische Kriterien hält N. Zajceva die folgenden Sachverhalte für wesentlich: völliger Betonungsausfall bei Postpositionen, Pausenschwund, Assimilation, Subordination bezüglich der Vokalharmonie, Reduktion der Postposition. Wesentliche syntaktische Kriterien: kein Gebrauch des neuen Formanten als Adverb (dazu eignet sich oft die selbständige Postposition), Zusammenschluß der Postposition auch zum Attribut (*ñe'idame prihåme* 'mit diesen Jungen'), Hinzufügen der neuen Kasusendung den sich wiederholenden Satzgliedern (*elan üht'es emagame da izandame* 'ich lebe mit meiner Schwiegermutter und meinem Schwiegervater').

Wenn auch diese Kriterien für das Wepsische stichhaltig sind, wäre es dennoch riskant, diese in ihrer Gesamtheit für die anderen ostseefinnischen Sprachen zu verallgemeinern. Das beweist der estnische Satz zum letzten Beispiel *elan koos ämma ja äiaga*, wo eine Komitativendung völlig